

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. С. ШАШКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Историческіе очерки.

Историческіе этюды.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Цѣна за два тома 4 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

четверти настоящаго столѣтія. Одно судно, вышедшее изъ Камчатки на Алеутскіе острова, зашло такъ далеко къ югу, что въ ноябрѣ стала таять смола отъ солнечнаго жара. Долго носилось оно неизвѣстно гдѣ, весь экипажъ чуть не погибъ отъ недостатка прѣсной воды. Другой мореходецъ три раза въ лѣто ходилъ съ Уналашки на Котовые острова, лежащіе въ 160 миляхъ, и никакъ не могъ отыскать ихъ. Третій при сильномъ вѣтрѣ взшелъ съ судномъ на камчатскій берегъ, такъ что рѣдкій валъ достигалъ до судна, и не зналъ, гдѣ онъ находится—въ Японіи или въ Америкѣ. Ну, куда же съ такими моряками, съ дурно построенными и плохо содержимыми судами было мечтать объ *огромныхъ видахъ!* И по торговала немного компанія съ Калифорніей, да и бросила; пыталась торговать съ Японіей, но когда та отказалась, то компанія начала грабить японскія поселенія. Мы, впрочемъ, нисколько не скорбимъ о томъ, что компанейская промышленная монополія не достигла тѣхъ размѣровъ, о которыхъ мечтала компанія,—этому мы даже рады. Но грустно, когда подумаешь, что компанейская монополія убивала столько времени торговлю иностранцевъ съ русскими берегами Восточнаго океана,—торговлю, которая, безъ сомнѣнія, оживила бы и обезпечила всѣмъ необходимымъ эти пустынные мѣстности.

Въ послѣднее время компанейскій флотъ, по отзыву г. Головина, находился въ хорошемъ состояніи, но торговли все-таки не было, вывозилось только немного льду, лѣсу и рыбы въ Калифорнію, нѣсколько товаровъ къ устьямъ Амура и въ Аянъ.

Главная торговля компаніи пушнымъ товаромъ; но и она была не такъ громаднa, какъ можетъ показаться незнающему. Съ 1 января, напр., 1849 г. по іюль 1860 г., все упрмышленное въ колоніяхъ стоило по тамошней таксѣ 1,776,878 р. асс. Положимъ, по таксѣ цѣны втрое ниже настоящихъ, и то выйдетъ только 4 милл. р. асс. Пушные товары шли въ Сибирь, Китай, въ Россію и частію въ Америку. Нельзя сказать, чтобы эта торговля очень оживляла Сибирь. Одно только: казна пріобрѣтала отъ нея выгоды...

Такимъ образомъ, вся исторія компаніи ясно свидѣтельствуетъ, что это общество приносило только одинъ вредъ народу, его торговлѣ, промышленности и благосостоянію. Компанія разорила своихъ подданныхъ, она почти вовсе истребила цѣлый алеутскій народъ, а отъ многочисленнаго нѣкогда племени курильцевъ въ 1862 г. осталось въ живыхъ только 66 человѣкъ обоаго пола; тысячи, десятки тысячъ убитыхъ, засѣченныхъ, ограбленныхъ, заморенныхъ голодомъ, развращенныхъ ею людей погибли подъ ея безчеловѣчной системой управленія, которая была несостоятельна до того, что при всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ не могла извлекать изъ колоній надлежащихъ выгодъ даже для компаньоновъ. И, не смотря на все это, компанія продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока правительство не

продало ея земель Соединеннымъ Штатамъ, а говорить о вредѣ этой монополіи сдѣлалось возможно только въ шестидесятихъ годахъ... До этого времени русское общество даже и не подозрѣвало о томъ позорѣ, который навлекали на себя русскіе люди своими подвигами на Восточномъ океанѣ!..

ИРКУТСКІЙ ПОГРОМЪ ВЪ 1758—1760 Г. *)

Жилъ да былъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, — человекъ умный, достаточно по своему времени образованный, сынокъ генераль-аншефа, женатый на племянницѣ императрицы Елисаветы, довѣренный чиновникъ Петра III, блаженной памяти. Онъ быстро повышался на службѣ и сдѣлался генераль-прокуроромъ; по справедливому замѣчанію графа Брюля, «должность, занимаемая имъ при сенатѣ, давала ему почти всемогущество въ дѣлахъ внутренняго управленія». Злые языки, правда, говорили о немъ, что будто бы еще въ молодости онъ, вслѣдствіе короткаго знакомства съ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, совершенно испортился и «напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ». Но это говорила, конечно, зависть; «чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь ея, чѣмъ выше поставленъ человекъ, тѣмъ больше у него завистниковъ», говоритъ пословица, кажется, китайская. Изъ того, что мы знаемъ о жизни Глѣбова, достаточно видно, что онъ былъ ничѣмъ не хуже другихъ хорошихъ людей XVIII вѣка, не хуже даже самого свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, о которомъ тоже зловерные люди распространили молву, что и онъ «былъ напоенъ принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для него самого».

Глѣбовъ нуждался въ большихъ средствахъ для жизни, сообразной съ его высокимъ положеніемъ. Онъ былъ большой практикъ, и потому не затруднялся въ пріобрѣтеніи средствъ, очень хорошо зная всѣ тѣ мѣста, гдѣ зимуютъ раки. Однажды, когда Петру III понадобились деньги, когда никто не могъ придумать, откуда бы взять ихъ, Глѣбовъ придумалъ и досталъ 4,000,000 р. При своемъ могуществѣ, при своей предприимчивости, онъ, конечно, не могъ довольствоваться тѣми доходами, какіе доставлялись ему его должностью, его положеніемъ, его крестьянами, и обратилъ свои дальновидные взоры туда, гдѣ —

Богатая Сибирь, склонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато, и серебро.

Люди предприимчивые наживали тогда въ Сибири несмѣтные богатства, и только тѣ, которые

*) Иркутскія Лѣтописи.—Бумаги изъ дѣла о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и слѣдователѣ Крыловѣ, въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», т. I.

были плохо знакомы съ отечественною географіей, считали эту страну сѣдалищемъ холода; болѣе же образованные россияне очень хорошо знали, что въ Сибири всегда можно найти множество самыхъ теплыхъ мѣстечекъ. Державинъ, рассказывая о назначеніи Якоби сибирскимъ генераль-губернаторомъ, говоритъ, что Сибирь была дана ему въ приданое за женою. Дѣйствительно, когда Якоби обвинчался, то по русскому обычаю, вмѣсто хлѣба, молодыхъ благословили этимъ пригономъ. Но возвратимся къ нашему генераль-прокурору.

Глѣбову, который ворочалъ дѣлами имперіи, не было расчета самому переселиться въ сибирскія трущобы изъ развеселой столицы. Его мощная рука могла вытянуться на какихъ-нибудь 6,000 верстъ и обшарить, какъ слѣдуетъ, сибирскія дебри. Генераль-прокуроръ зналъ, что въ этихъ дебряхъ есть городъ Иркутскъ, а въ городѣ Иркутскѣ не мало богатыхъ купцовъ и промышленниковъ, имѣвшихъ дѣла по всей Сибири, добывавшихъ дорогіе мѣха въ Америкѣ и на Алеутскихъ островахъ, державшихъ въ кабальной зависимости не только инородцевъ, но и массу русскаго народонаселенія. Около этихъ купчинъ можно было хорошо пожить, тѣмъ болѣе, что представители сибирской администраціи въ это время не были облечены такими полномочіями, какія получили впоследствии, и потому не могли сопротивляться притязаніямъ всемогущаго генераль-прокурора. Сибирью правилъ тогда губернаторъ, который, по выраженію одного тогдашняго акта, «недвижимо пребывалъ въ Тобольскѣ»; нынѣшняя же Восточная Сибирь, подъ именемъ Иркутской провинціи, состояла подъ властью подчиненнаго Тобольску вице-губернатора, отъ котораго еще менѣе можно было ожидать сопротивленія Глѣбову, чѣмъ отъ губернатора.

Въ это время, руссiйское дворянство рачительно стало заниматься винокурениемъ и постаралось обратить въ свою монополію эту почтенную промышленность, принесшую столько пользы благосостоянію и нравственности народа. Указомъ 1755 г. «во всемъ государствѣ купцамъ винныхъ заводовъ имѣть не велѣно, а повелѣно поставку винъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ на десять лѣтъ»; но въ отдѣльныхъ провинціяхъ, не имѣвшихъ дворянства, а слѣдовательно, и въ Иркутской, винокурные заводы оставались и не за дворянами. Слѣдовательно, иркутское купечество имѣло полное право продолжать винокурение, которымъ оно занималось съ 1727 г. Полное право! Вѣроятно, оно, не смотря на свою житейскую опытность, не понимало, что тогда всякое «полное право» принадлежало сильнѣйшему, что имъ могли пользоваться только лица всемогущія, въ родѣ генераль-прокурора. Послѣдній въ 1756 г. заключилъ съ сибирскимъ приказомъ контрактъ о поставкѣ водки въ кабаки Иркутской провинціи по разнымъ цѣнамъ, а въ Иркутскѣ по 1 р. 40 к. ведро, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности-то ведро стоило не дороже 1 рубля. Иркутское ку-

печество заявило, что на такихъ условіяхъ оно не можетъ продолжать виноторговли и ходатайствовало о пониженіи цѣны. Но Глѣбовъ доложилъ сенату, что предоставленіе иркутянь о цѣнѣ водки — ложное, что иркутскій магистратъ злоупотребляетъ питейными сборами, что купечество занимается корчемствомъ и противозаконно продаетъ водку инородцамъ, что вино у него дурное, въ доказательство чего представилъ двѣ пробныхъ бутылки иркутской сивухи, что въ Иркутскѣ вывариваютъ соль безъ указа, а иркутская провинціальная канцелярія и корчемная контора покрываютъ все эти злоупотребленія. Изъ дѣла видно, что обвиненія Глѣбова были отчасти справедливы, особенно послѣднее, уличавшее иркутянь въ сопротивленіи сенатскимъ указамъ, предписывавшимъ сдать все винокурни Глѣбову. Когда пріѣхалъ въ Иркутскъ повѣренный послѣдняго, Евреиновъ, для принятія винокурень, то не только купцы, но даже и самъ вице-губернаторъ Вульфъ, опираясь на указъ 1755 года, оставившій винокурение въ отдаленныхъ мѣстностяхъ за купцами, воспротивились такой сдачѣ, надѣясь, вѣроятно, посредствомъ доказательствъ, подкрѣпленныхъ извѣстными приложеніями, оставить дѣло по старому. Но Глѣбовъ уже сдѣлалъ торги на иркутскій откупъ, взявъ его себѣ за 58.000 р. въ годъ, отстранивъ вліяніемъ своимъ соперниковъ, двухъ петербургскихъ купцовъ, которымъ тотчасъ же, считаясь официально ихъ компаньономъ, и передалъ этотъ откупъ за 160 000 единовременной и 25.000 р. ежегодной платы. Въ то же время генераль-прокуроръ отправилъ членамъ иркутскаго магистрата грозное посланіе, въ которомъ говоритъ, что онъ «принужденъ просить въ сенатѣ объ учиненіи слѣдствія о всѣхъ ихъ поведеніяхъ и имѣть себѣ въ сатисфакцію справедливость закона, и буде они тѣмъ себя льстятъ, чтобъ его, чрезъ причиненные ему убытки, удержать отъ поставки вина, то сіе они несправедливо мыслятъ, ибо чѣмъ болѣе препятствій и огорченій (ему) послѣдуетъ, тѣмъ болѣе онъ, не жалѣя своего капитала, въ предпріятомъ дѣлѣ упражняться станетъ; а когда они надѣются на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико ни было, не затмитъ правосудія въ высококомъ правительствующемъ учрежденіи, ибо не пользуетъ имѣніе *въ день ярости и гнѣва*».

«Ярость и гнѣвъ» верховнаго въ имперіи блюстителя правосудія были чрезвычайны, и генераль-прокуроръ, чтобы доѣхать своихъ иркутскихъ конкурентовъ по винной продажѣ, дѣйствительно, «въ предпріятомъ дѣлѣ упражняться сталъ» со всею свойственною ему энергіей.

Для разслѣдованія иркутскихъ злоупотребленій сенатъ командировалъ коллежскаго ассесора Крылова съ секретаремъ, двумя канцеляристами и четырьмя пседами. Такъ какъ слѣдствіе это было назначено по доносу Глѣбова, то само собою понятно, что слѣдователь для разьяненія дѣла необходимо долженъ былъ во время производства просить у доносителя поясненія, доказательствъ и

уликъ, подтверждающихъ справедливость обвиненій, которыя онъ возводилъ на своихъ иркутскихъ соперниковъ. Но генераль-прокуроръ управлялъ сенатомъ, и сдѣлался въ одно и то же время лицомъ подслѣдственнымъ, въ качествѣ доносителя и откупщика, и главнымъ руководителемъ слѣдствія, въ качествѣ верховнаго блюстителя правосудія! Онъ разрѣшилъ Крылову не стѣсняться въ Иркутскѣ ничѣмъ, обнадеживъ его, что за свои труды «онъ безъ удовольствія и отъ сената оставленъ не будетъ» и, кромѣ того, можетъ получить значительную долю барышей отъ порученнаго ему судебно-коммерческаго предпріятія, отъ слѣдственной разработки золотосодержащихъ купеческихъ кармановъ. Сенатъ же содѣйствовалъ генераль-прокурору въ осуществленіи его «принципій, хотя и не весьма для общества полезныхъ, но достаточно прибыльныхъ для него самого». Сенатъ предписалъ Крылову «все, по доношенію господина Глѣбова, слѣдствіе производить надлежащимъ порядкомъ, чиня основательные въ чемъ кому надлежитъ допросы безъ наималѣйшаго послабленія и понаровки, и буде кто въ чемъ учинить заpiresательство, въ такомъ случаѣ требовать отъ повѣреннаго его (Глѣбова) доказательства; а на которые пункты тотъ повѣренный доказательства не покажетъ, а по другимъ пунктамъ и по справкамъ къ тому подозрѣніе приличное показываться будетъ, то и безъ доказательствъ то слѣдствіе производить для того, что сенатомъ усмотрѣно по нѣкоторымъ пунктамъ, что иркутскимъ магистратомъ чинено было въ противность указовъ, и безъ доказательства уже открылось».

«День ярости и гнѣва», которымъ пугалъ Глѣбовъ иркутянъ, насталъ для нихъ: Крыловъ пріѣхалъ. Граждане, которые все отличались добродѣтелями, искони свойственными русскому народу, почтили новаго начальника, явившись къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью и дарами. Крыловъ милостиво принялъ ихъ, а потомъ началъ дѣлать визиты обывателямъ, являясь столь же примѣрнымъ начальникомъ, насколько иркутяне заявили себя примѣрными подчиненными. Во все онъ вникалъ, даже въ мелочныя подробности хозяйства, обо всемъ спрашивалъ, и, кромѣ того, подъ рукою разузнавалъ, у кого какой капиталъ имѣется, за кѣмъ и какіе грѣшки водятся и т. д.

Первое время ревизоръ былъ смиренъ, но иркутяне предчувствовали что-то недоброе, понимая, что генераль-прокуроръ не сталъ бы даромъ угрожать имъ «днемъ ярости и гнѣва». Еще болѣе струхнули они, когда Крыловъ предписалъ иркутскому магистрату приготовить для открываемой имъ слѣдственной комиссіи три куска синяго сукна, для закрытія столовъ, нѣсколько стопъ бумаги, добрый запасъ гусиныхъ перьевъ и ведро чернилъ, — цѣлое ведро чернилъ, и это только на первый разъ! Значитъ, дѣло начиналось не на шутку.

Вторымъ дѣломъ Крылова было укрѣпленіе его квартиры. На основаніи сенатскаго указа, предписывавшаго мѣстнымъ властямъ исполнять безпрекословно все его требованія, онъ вытребовалъ

изъ Селенгинска семьдесятъ семь солдатъ съ тремя оберъ-офицерами, взялъ ихъ на свое содержаніе, постарался привязать ихъ къ себѣ, устроилъ при своей квартирѣ гауптвахту и, такимъ образомъ, получилъ въ чинахъ этой импровизированной лейбъ-гвардіи и вѣрныхъ тѣлохранителей, и безпрекословныхъ исполнителей всехъ своихъ распоряженій. Спальня и кабинетъ Крылова были обвѣшаны множествомъ оружія, и спать онъ не иначе, какъ съ заряженными пистолетами подъ подушкой. Иркутяне уже видывали всякихъ начальниковъ; бывали и такіе, которые, подобно Крылову, заводили у себя лейбъ-стражу и посредствомъ ея держали городъ въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Одинъ изъ нихъ, напр., подписывавшійся «со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ», завелъ, такъ называемую, *глухую команду*, и, рыская съ нею по ночамъ по городу, производилъ грабежи и ужасныя дебоширства; однажды онъ пригласилъ обывателей на пикникъ, договоривши предварительно своего пріятеля, разбойничьяго атамана Гондюхина, напасть на нихъ и ограбить; пикникъ дѣйствительно кончился ограбленіемъ гостей. Иркутяне, поэтому, будучи уже пугаными птицами, серьезно встревожились учрежденіемъ крыловской лейбъ-стражи, которая, тотчасъ же по прибытіи въ городъ, начала производить, по солдатскому обыкновенію, воровства, грабежи и дебоширства.

Крыловъ началъ свое слѣдствіе тѣмъ, что велѣвъ купить для себя бочку водки, своимъ же чиновникамъ велѣлъ конфисковать ее. Онъ нашель, «что принимаемое вино на кабаки негодное, пробуется не указными отжигальницами и продается не указными мѣрами, что казаны и кубы клеймятся магистратомъ неправильно». Затѣмъ принялся онъ за ревизію счетовъ. Собравъ все дѣларатуши и магистрата о питейныхъ сборахъ съ 1728 по 1758 г., онъ сложилъ ихъ въ сундуки, запечаталъ и приставилъ къ нимъ караулъ, а послѣ того потребовалъ, чтобы магистратъ составилъ и подалъ ему немедленно вѣдомости за все упомянутое время! Магистратъ, понятно, не могъ сдѣлать этого; Крыловъ предписалъ ему не отпускать изъ города ни одного купца, «чѣмъ уже купечеству учинилъ притѣсненіе и въ торговыхъ промыслахъ помѣшательство». Магистратъ доставилъ ему вѣдомости только съ 1746 года, остальные Крыловъ потребовалъ отъ провинціальной канцеляріи, началъ ихъ сличать съ вѣдомостями, составленными его собственными чиновниками, будто бы, на основаніи данныхъ, доставленныхъ ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи, и открылъ расхищеніе казенныхъ суммъ при израсходованіи 829,000 р., а также многіе другіе «непорядки и замѣшательства». Затѣмъ, призвавъ въ комиссію членовъ магистрата, слѣдователь началъ допрашивать ихъ, есть ли у нихъ такія же вѣдомости, какія доставлены ему изъ разныхъ мѣстъ провинціи? Тѣ отвѣчали, что «таковыя вѣдомости уповательно въ магистратѣ состоятъ». Дѣйствительно, въ ящикѣ, запечатанномъ по его же собственному приказанію,

няли на дыбу; къ ногамъ привязали бревна, а къ кистямъ рукъ веревку, ходившую по блоку въ потолокъ, и подняли на воздухъ; затрещали и вывернулись суставы рукъ и ногъ, а палачъ по обнаженному тѣлу началъ полосовать кнутомъ, разсѣкая кожу и даже вырывая куски мяса. Бичевинъ все не признавался. Крыловъ усталъ и поѣхалъ на закуску къ купцу Глазунову, а Бичевинъ, до его прїѣзда, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, все висѣлъ въ упомянутомъ положеніи и изрѣдка получалъ удары кнута. Когда Крыловъ вернулся и велѣлъ усилить кнутованіе, умирающій Бичевинъ призналъ за собою 15,000 р. Его сняли съ дыбы и полумертваго отнесли домой. Крыловъ скорѣе явился къ нему на квартиру и новыми угрозами заставилъ умирающаго къ признанію уже имъ за собою 15,000 руб. прибавить еще 15,000 р. Бичевинъ умеръ. Его смерть навела на весь городъ паническій страхъ. Память о немъ живетъ до сихъ поръ среди иркутскихъ старожиловъ, рассказывающихъ мнѣ, что Бичевинъ умеръ на висѣлицѣ, поставленной среди площади; его трупъ висѣлъ трое сутокъ и каждую ночь въ воздухѣ горѣли восковыя свѣчи передъ тѣломъ невиннаго страдальца.

Со ста двадцати человекъ Крыловъ вымучилъ 155,295 р. 80 к. *).

Вице-губернаторъ Вульфъ не разъ уже доносилъ сенату о крыловскихъ злодѣяніяхъ; но его

*) Бичевинъ далъ 30,000 р.; Бречаловъ 23,000 р.; Мих. Глазуновъ 15,000 р.; Макс. Глазуновъ 15,000 р.; Ив. Ворошиловъ 12,000 р.; Добрынский 6,000 р.; Ив. Елезовъ 5,400 р.; Вас. Ворошиловъ 4,800 р.; В. Сибиряковъ 2,500 р.; В. Елезовъ 2,000 р.; Шапошниковъ 1,800 р.; Власовъ 1,600 р.; Петръ Мальцевъ 1,500 р.; Верховцевъ 1,500 р.; Перевозкинъ 1,500 р.; Ал. Сибиряковъ 1,040 р.; Ив. Мясниковъ 1,000 р.; Лудинъ 800 р.; Бородинъ 750 р.; Ив. Дружининъ 700 р.; Ив. Рудаковъ 700 р.; Козловъ 700 р.; Ободуровъ 700 р.; Чураковъ 650 р.; Петръ Лысковцевъ 630 р.; Пуляевъ 600 р.; Старцевъ 600 р.; Ник. Перевозкинъ 600 р.; Ив. Верховцевъ 550 р.; Андрей Елезовъ 500 р.; Перваловъ 500 р.; Ос. Сибиряковъ 500 р.; Пахоковъ 500 р.; Корюховъ 500 р.; Пестовскій 500 р.; Паникаровскій 600 р.; Подрѣзовъ 500 р.; Звѣздочетовъ 450 р.; Дрюковъ 450 р.; Зиминъ 450 р.; Пряничниковъ 400 р.; Зубовъ 400 р.; Никитинъ 370 р.; Лазаревъ 360 р.; Дементьевъ 350 р.; Николай Дементьевъ 350 р.; Новиковъ 350 р.; Горбовъ 330 р.; Осокинъ 300 р.; Луиъ Пахоковъ 300 р.; Ив. Пестовскій 300 р.; Куроптевъ 300 р.; Алексѣй Елезовъ 300 р.; Ив. Храшовъ 2-й 270 р.; Лычаговъ 270 р.; Калининъ 270 р.; Иванъ Храшовъ 1-й 260 р.; Дуровскій 250 р.; Защинъ 250 р.; Кочневъ 234 р. 25 к.; Каргопольцевъ 225 р.; Быковъ 224 р.; Больниковъ 210 р.; Васильевъ 200 р.; Сивой 200 р.; Дан. Глазуновъ 200 р.; Савельевъ 200 р.; Калашниковъ 200 р.; Пѣтуховъ 180 р.; Овсяниковъ 175 р.; Иванъ Кочневъ 170 р.; Назаровъ 170 р.; Шамановъ 160 р.; Бичинъ 160 р.; Маньковъ 150 р.; Балахонцевъ 150 р.; Матвѣй Кудреватый 120 р.; Кабановъ 110 р.; Чипизубовъ 100 р.; Кириловъ 100 р.; Смоленскій 100 р.; Дементьевъ 100 р.; Безруковъ 100 р.; Миронъ Дудоровскій 100 р.; Красногоровъ 100 р.; Поповъ 100 р.; Фроловъ 100 р.; Стрѣкаловскій 100 р.; Дан. Зиминъ 100 р.; Шаламовъ 83 р.; Гусевъ 70 р.; Квасниковъ 70 р.; Ив. Пахоковъ 65 р.; Ракитинъ 60 р.; Трапезниковъ 60 р.; Кузнецовъ 50 р.; Портнягинъ 50 р.; Калашниковъ 50 р.; Петчиковъ 50 р.; Зыряновъ 50 р.; Аф. Стрѣкаловскій 50 р.; Цивилинъ 50 р.; Гордѣевъ 45 р.; Богомоловъ 40 р.; Рудинъ 30 р.; Кузовлевъ 30 р.; Соловьевъ 20 р.; Слатинъ 15 р.; Мих. Кудреватый 15 р.; Шарышовъ 1 р. 55 к.

доносы клались подъ сукно. Въ іюнь 1759 г. въ сенатъ былъ полученъ отъ Вульфа пакетъ, адресованный на имя императрицы Елисаветы, «который подлѣ печати явился подрѣзанъ, и тѣмъ доношеніемъ Вульфъ просилъ о взятіи производимыхъ Крыловымъ дѣлъ въ Москву и объ увольненіи его тудажъ». Но конвертъ государынѣ переданъ не былъ, «а къ нему, генераль-маіору Вульффу, посланъ изъ сената указъ съ выговоромъ, что ему къ самой Ея Императорскому Величеству того донесенія присылать не надлежало и впредь бы такого дерзновенія не чинить». Сенатъ, такимъ образомъ, оказывалъ Крылову явное покровительство и устранялъ всякую возможность жалобъ на него. Хотя въ то же время онъ предписывалъ Крылову «пристрастными распросами удержаться», но, принимая во вниманіе, что «онъ, Крыловъ, прилагаетъ усердный трудъ, и особливимъ его стараніемъ и радѣніемъ сыскана, ко взысканію въ казну, немаловажная сумма, и сверхъ того о поднесенныхъ ему Крылову отъ купечества въ подарокъ тысячи рублѣхъ въ сенатъ онъ представилъ, и оную 1.000 р. отдалъ въ иркутскую канцелярію, а за такой его, Крылова, трудъ и радѣніе» сенатъ положилъ «выдать ему изъ казны 1.000 р. и сверхъ того обнадежить, что онъ, Крыловъ, по возвращеніи въ Москву, и еще безъ награжденія деньгами и чиномъ оставленъ не будетъ». Глѣбовъ, въ свою очередь, тоже погладилъ Крылова по головкѣ и писалъ ему, что «изъ письма его усмотрѣлъ, что по власти божеской всѣ иркутскіе безпорядки и казенныя великія похищенія открылись; осталось ожидать только счастливаго окончанія»; только просить отъ Крылова «въ розыскѣ осторожнымъ быть», говоря, что онъ «хочетъ лучше свое потерять, нежели народъ истязать».

Когда указъ сената и письмо Глѣбова были получены въ Иркутскѣ, то сто двадцать человекъ было уже ограблено, и одинъ изъ нихъ, засѣченный ревизоромъ, лежалъ въ могилѣ.

Осенью 1759 г. Крыловъ составилъ отъ имени иркутскихъ купцовъ просьбу въ сенатъ, въ которой они, будто бы, признавались во всѣхъ, взведенныхъ на нихъ, обвиненіяхъ, просили о помилованіи и восхваляли честность и благородство Крылова. Слѣдователь заставилъ купцовъ подписать эту просьбу и послать съ нею въ Петербургъ довѣреннымъ своего клеврета Елезова съ двумя товарищами. Купцы вынуждены были дать Елезову довѣренность на заемъ до 50,000 р., изъ которыхъ имъ отдано генераль-прокурору 30,000 р. *).

*) Въ приходорасходной книгѣ Елезова значатся, между прочимъ, слѣдующія взятки: его превосходительству А. И. Глѣбову: 2 канфы большой руки, 1 жестянка чаю большая, 8 соболей хорошихъ; дано два векселя въ 50,000 р. Повѣренному его, Евреянову, при отиравленіи изъ Иркутска 23 сентября дано для рекомендаціи и писемъ. Въ домъ его п—ва управителямъ: Ивану Николаевичу 1 канфа малой руки, 3 соболя хорошихъ, 3 бахчи чаю, 1 штофъ виннова, 6 бутылокъ пива, деньгами 200 рублей. Ивану Кариповичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ. Тарасу Сергѣевичу: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 2 соболя хорошихъ, 2 гина

шись въ Петербургъ и разсловавши, по указаніямъ Крылова, взятки, иркутскіе повѣренные представили въ сенатъ челобитную купечества, которое приносило свою повинную и представляло, что изъ оставшихся за нимъ 150,000 рубл. оно въ состояніи уплатить не болѣе половины. Елезовъ, какъ мы уже говорили, держалъ руку Крылова; два же другихъ повѣренныхъ: Верховцевъ и Мальцевъ, «яко бѣдные и беззаступные люди, не смѣя прекословить, боясь господина Глѣбова, слыша и видя его въ превосходной милости и случаѣ, дабы съ ними не было учинено чего наигорше прежняго, принуждены были, яко невольники, все то дѣлать, что ему, г. Глѣбову, было надобно, помня бывшее съ ними отъ Крылова въ Иркутскѣ не только разореніе, но и тиранское безъ вины мученіе». Глѣбовъ обобралъ повѣренныхъ, какъ лиху. Однакожъ, при всемъ этомъ они успѣли исхлопотать сенатскій указъ отъ 29 марта 1760 г., которымъ опредѣлялось: «производимое Крыловымъ слѣдствіе оставить и болѣе о томъ не слѣдовать», изъ слѣдующихъ же, сверхъ заплаченныхъ уже иркутскимъ купечествомъ денегъ, 150,000 р., «за ихъ изнеможеніемъ», взыскать только половину.

Между тѣмъ въ Иркутскѣ Крыловъ неистовствовалъ болѣе и болѣе. Онъ продалъ съ аукціона все имущество подсудимыхъ за 93,120 рублей, являясь на аукціонѣ и продавцемъ, и оцѣнщикомъ, и покупателемъ; онъ содралъ съ горожанъ 3,780 р. на содержаніе слѣдственной комиссіи, хотя эта комиссія содержалась ими натурою; онъ захватилъ слѣдовавшія купцамъ за выкурку и продажу вина 78,000 р. Сюда не входитъ множество мелкихъ подарковъ, сдѣланныхъ ему обывателями, которые содержали его со всей его ватагой на свой счетъ, завели ему лошадей и карету, постоянно пополняли винами его погребъ, презентовали ему все, что нравилось ему.

Надѣясь на покровительство сената и генералъ-прокурора, Крыловъ разыгрывалъ роль всемогущаго деспота, публично унижалъ и бранилъ вице-губернатора и другихъ важныхъ чиновниковъ; «бывшаго въ Иркутскѣ губернаторскаго товарища, подполковника Свободскаго, якобы за ослушаніе сенатскихъ указовъ, неповинно держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ полгода, и сенату оболгалъ напрасно»; менѣе же важныхъ чиновниковъ — билъ и сѣкъ безъ пощады; «взялъ въ комиссію сыновей поручика Юсупова и жену его и сѣкъ ихъ плетми за партикулярную свою ссору». Заподозрѣвъ чиновника своей комиссіи Юрлова въ волокитствѣ за своей любовницей, Крыловъ началъ преслѣдовать его, сажать подъ арестъ, хотѣлъ даже высѣчь. Пріѣхавъ однажды посмотреть артиллерійское ученіе за городомъ и замѣтивъ, въ толпѣ зрителей, Юрлова, Крыловъ подбѣгаетъ къ нему, придирается, какъ онъ смѣлъ прійти туда безъ его дозволенія, ударомъ кулака

въ голову сбиваетъ его съ ногъ и потомъ кричитъ, стоявшимъ около, зрителямъ: «Бейте его!» Иркутяне и на этотъ разъ выказали свою добродѣтельную, безпрекословную покорность и затащали несчастнаго Юрлова до полусмерти, не оставивъ на его головѣ ни одного волоска!.. Для внушенія жителямъ вящаго страха и большаго уваженія къ своей персонѣ, Крыловъ выкинулъ слѣдующую штуку: «на сдѣланномъ въ Иркутскѣ на башнѣ государственномъ гербѣ, на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на монетахъ изображается московскій гербъ, продерзостно прибилъ жестяную доску съ такими на ней литерами: «Году 1760, мѣсяца сентября, бытности въ Иркутскѣ начальника коллежскаго ассесора Крылова»; а сверхъ той надписи выбита на той же доскѣ дворянская корона, а вокругъ надписи лавры». За это въ послѣдствіи досталось Крылову болѣе, чѣмъ за всѣ его другія злодѣянія...

Иркутскія лѣтописи и преданія сохранили множество возмутительныхъ разсказовъ о подвигахъ «злодѣя», какъ его втихомолку называлъ весь городъ, — о подвигахъ, не входившихъ въ составъ его официальной дѣятельности. Крыловъ пилъ много, пилъ съ утра до ночи, и хотя всегда держался на ногахъ, но, выпивъ извѣстную дозу, становился дикимъ звѣремъ. Иногда, въ такомъ состояніи, онъ сѣкъ безпощадно встрѣчнаго и поперечнаго, но чаще всего давалъ волю своему необузданному, чисто болѣзненному половому неистовству. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ, онъ насильно занялъ понравившійся ему домъ купца Мясникова, приказавъ хозяевамъ немедленно перебраться въ нижній этажъ. Хозяева безпрекословно исполнили его требованіе, и цѣлыхъ три года мучились, какъ въ аду, со своимъ гнуснымъ постояльцемъ, который билъ ихъ, сѣкъ плетми, ругалъ безпощадно, врываясь пьяный въ ихъ квартиру, переворачивалъ тамъ все вверхъ дномъ.

Сладострастіе Крылова не знало границъ и доходило до звѣрскаго неистовства. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда онъ захватилъ свою сосѣдку, дочь купца Воротилова, изнасиловалъ ее и сдѣлалъ своей любовницей. (Это событіе послужило сюжетомъ очень популярному въ свое время роману сибиряка Калашникова «Дочь купца Жолобова», вышедшему недавно вторымъ изданіемъ). Но одной любовницей Крыловъ не довольствовался, а захватывалъ каждую попавшуюся ему на глаза хорошенькую дѣвушку или женщину, и если онѣ не сдавались добровольно, то насиловалъ ихъ или принуждалъ къ любви жестокими побоями и телесными истязаніями при помощи своихъ солдатъ. Кромѣ многихъ взрослыхъ, онъ изнасиловалъ нѣсколько малолѣтнихъ дѣвочекъ. Долго преслѣдовалъ онъ своими предложеніями жену хозяина, купчиху Мясникову; угрожалъ ей, билъ по щекамъ, таскалъ за косу, колотилъ головою о стѣну, сѣкъ плетми и розгами, но Мясникова не сдавалась. Тогда Крыловъ, призвавъ къ себѣ ее вмѣстѣ съ мужемъ, приказалъ послѣднему собственноручно сѣчь ее и при этомъ убѣждать,

шелку, 2 канфы малой руки. Льву Чебышеву: 1 канфа, 3 бахчи чаю, 1 голь, 12 рублей. Такимъ образомъ Крыловъ доставлялъ доходъ даже прислугѣ генералъ-прокурора.

чтобы она отдалась Крылову. Мясниковъ явился образцомъ добродѣтельнаго повиновенія и безпрекословно, хотя со слезами на глазахъ, началъ исполнять приказаніе грознаго ревизора... Шестидесятилѣтняя старуха, мать Мясникова также не избавилась отъ его ухаживаній. Она бѣжала изъ дому и только изрѣдка, тайкомъ навѣщала своихъ родныхъ. Пришелъ день ея именинъ, на которые она переселилась домой, въ той надеждѣ, что Крыловъ оставитъ ее въ покоѣ на этотъ день, такъ какъ въ гостяхъ у нихъ будетъ весь городъ. Но послѣ ужина, при всѣхъ Крыловъ, какъ звѣрь, бросился на старуху и повалилъ ее на полъ... Гости кое-какъ стащили его съ несчастной и увели вверхъ, на его квартиру...

Самодурствовалъ и деспотствовалъ Крыловъ; не отставали отъ него и его солдаты и его чиновники—дебоширили, драли взятки, воровали, грабили, насиловали. И вдобавокъ ко всему, ужасъ, обнимавшій городъ, еще болѣе увеличился, когда по вечерамъ начали неистовствовать на улицахъ *еретики*, какъ называются въ Сибири выходящіе изъ могилъ покойники. Длинные тѣни, въ бѣлыхъ саванахъ, исполинскими шагами ходили въ темные вечера по улицамъ, нападали на прохожихъ и грабили ихъ. Это были мошенники, наряжавшіеся мертвецами и искусно управлявшіе своими ходулями. (Въ настоящемъ столѣтіи *еретики* появлялись въ Иркутскѣ, кажется, всего одинъ разъ, въ ужасное управленіе Трескина). Но для тогдашнихъ иркутянъ это были дѣйствительные мертвецы, а не разбойники или—что вѣроятнѣе—крыловскіе солдаты. Въ городѣ ходили страшные суевѣрные слухи. На могилѣ Бичевина по ночамъ горѣла чудотворная восковая свѣча. Обыватели теряли всякую надежду на избавленіе. Всѣ разбѣгались и прятались, запирали ворота, двери и окна, когда каталась карета грознаго ревизора. Дѣтей пугали именемъ Крылова.

Чтобы пресѣчь всякій путь жалобамъ, Крыловъ перехватывалъ и прочитывалъ даже официальные пакеты вице-губернатора, а изъ города никто не смѣлъ выѣхать безъ его дозволенія. Въ то время жилъ въ Иркутскѣ купецъ Алексѣй Сибиряковъ, бывшій впоследствии депутатомъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Какъ чело-вѣкъ начитанный и большой законникъ, онъ былъ въ глазахъ Крылова вреднымъ ябедникомъ, тѣмъ болѣе, что пользовался большимъ вліяніемъ въ иркутскомъ обществѣ. Напуганный тиранствомъ слѣдователя, Сибиряковъ бѣжалъ изъ Иркутска и гдѣ-то скрывался. Крыловъ же заподозрилъ, что онъ уѣхалъ жаловаться въ Петербургъ, и еще болѣе утвердился въ этой мысли, когда, производя обыскъ въ домѣ Сибирякова, нашелъ въ его библиотекѣ множество юридическихъ бумагъ и копій со всѣхъ указовъ и постановленій, изданныхъ со времени Петра Великаго. Жену Сибирякова и его брата Осипа перетрусившій Крыловъ арестовалъ, потребовалъ въ комиссію и подъ кнутами началъ допрашивать, куда уѣхалъ

Алексѣй. Но они и сами не знали этого. За Сибиряковымъ отправлена погоня, доскакавшая до Верхотурья и вернувшаяся ни съ чѣмъ. Крыловъ, впрочемъ, скоро успокоился отъ своего страха и началъ дурить пуше прежняго. Въ августѣ 1760 г., встрѣтившись съ Вульфомъ у одного купца, онъ началъ укорять его въ слабомъ управленіи провинціей и въ казнокрадствѣ; вице-губернаторъ началъ оправдываться; Крыловъ велѣлъ отобрать у него шпагу, объявилъ его арестованнымъ, «усильно потащилъ его въ комиссію и, ругаясь надъ нимъ, изъ поволокой руки своею кровью теръ его по лицу и арестовалъ; желая тотъ продерзостный поступокъ свой закрыть, призвавъ къ себѣ въ комиссію иркутской канцеляріи секретаря Бурсенцова и двухъ съ приписью подьячихъ, принудилъ показать, якобы Вульфъ отъ присутствія самовольно отказался, и что они присутствующихъ въ той канцеляріи ассесоровъ, Федорова и Владыкина, за судей не признаютъ и слушать ихъ не будутъ; и какъ то принужденное отъ нихъ показаніе, со взятіемъ съ нихъ подписки, онъ получилъ, то пришедъ въ иркутскую канцелярію, оныхъ ассесоровъ выслалъ вонъ, а самъ вступилъ въ управленіе вице-губернаторской должности и тѣмъ узаконенную власть похитилъ, и въ вѣрности службы секретарей и прочихъ служителей приводилъ къ присягѣ, а въ города иркутской провинціи о томъ своемъ вступленіи разослалъ указы».

Можно себѣ представить, какой ужасъ обнялъ Восточную Сибирь при такомъ извѣстіи! Въ Иркутскѣ струсилъ даже архіерей, а отставленный вице-губернаторъ испугался до того, что сдѣлался смѣлымъ. И архіерей, и Вульфъ послали доносы императрицѣ черезъ сибирскаго губернатора, жившаго въ Тобольскѣ, помимо сената.

8-го ноября 1760 г. ночью курьеръ привезъ въ Иркутскъ приказъ сибирскаго губернатора, арестовать Крылова и заковать въ кандалы.

Вульфъ съ нѣсколькими чиновниками и двадцатью пятью казаками тотчасъ же отправился къ квартирѣ слѣдователя, потихоньку подобрался къ его гауптвахтѣ, обезоружилъ караулъ и послалъ казаковъ захватить самого Крылова. Послѣдній началъ было защищаться, но былъ обезоруженъ и связанъ. Ему прочли указъ и, заковавъ въ кандалы, оставили подъ крѣпкимъ карауломъ.

На завтра прискакалъ другой курьеръ изъ Петербурга съ приказаніемъ немедленно отправить Крылова въ столицу. Грозный ревизоръ былъ увезенъ въ кандалахъ.

Въ догонку за Крыловымъ иркутское купечество послало на него челобитную. Но замѣчательно, что, исчисляя въ этой челобитной всѣ официальные злоупотребленія ревизора, его вымогательства, подлоги, пытки, иркутскіе граждане ни слова не говорили объ его гнусныхъ злодѣяніяхъ надъ женщинами! Видно, что иркутянамъ ихъ собственный карманъ и собственная шкура были несравненно дороже, чѣмъ честь и счастье ихъ женъ и дочерей.

Императрица Елисавета велѣла сенату слѣдствіе надъ Крыловымъ произвести «кратчайшимъ путемъ,

чтобы слезы неповинныхъ наискорче удовольствованы были и чтобъ съ симъ злодѣемъ, не смотря ни на какія персоны, поступлено было».

Сенатъ ограничился тѣмъ, что лишилъ Крылова чиновъ — не за его грабежи, насилія, казнокрадство, пытки, не за умерщвленіе Бичевина, а за арестованіе Вульфа, да за то, что Крыловъ, какъ мы уже рассказывали, въ Иркутскѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, велѣлъ приколотить къ государственному гербу на башнѣ досечку со своей фамиліей!.. Глѣбовъ замаялъ дѣло, и оно лежало подъ сукномъ до воцаренія Екатерины.

Екатерина возобновила это дѣло, по ходатайству иркутскихъ купцовъ. Глѣбовъ былъ смѣненъ съ генераль-прокуроровъ и уволенъ отъ службы со званіемъ генераль-поручика. Крылова же повелѣвалось «вмѣсто заслуживаемой имъ смертной казни, высѣчь въ городѣ Иркутскѣ кнутомъ и сослать на каторгу въ работы вѣчно, а имѣніе его, описавъ, продать съ аукціона, и взятыя за оное деньги употребить на роздачи обиженнымъ имъ, кому что принадлежитъ въ силу законовъ».

Пусть не тревожится чувствительный и притомъ столь горестною судьбою несчастнаго ревизора: въ Иркутскѣ кнутомъ его не драли, и на каторгѣ онъ не бывалъ. Иркутскіи лѣтописи, чрезвычайно подробныя, ничего не говорятъ о столь важномъ для Иркутска событіи, а, напротивъ, рассказываютъ, что бывавшіе въ столицѣ иркутскіе купцы встрѣчали тамъ Крылова здоровымъ и невредимымъ.

«Вотъ превосходный сюжетъ для исторической трагедіи», воскликнулъ одинъ мой знакомый, когда я рассказалъ ему эту исторію. Хороша трагедія!.. Даже въ судьбѣ самого Крылова нѣтъ ничего трагическаго: человекъ положилъ себѣ нагнѣшиться и позабавиться въ волю, — и нагнѣшился и позабавился, сколько было душенькѣ угодно, заплативъ за безобразіе арестомъ да лишеніемъ чиновъ. Трогательна судьба перваго виновника всѣхъ этихъ бѣдъ, Глѣбова. Увольненіе отъ службы — это, какъ хотите, ужасный ударъ для такой важной персоны!..

К О Н Е Ц Ъ .